

Феликс Гваттари, Барбара Гловчевски
Вальпири

Пространство сновидений: Вальпири. Часть I.
Выступление и дискуссия (18 января 1983 г.)

Перевод с франц. А.В. Дьякова

Ф.: Барбара — этнолог, специалист по аборигенам Австралии, предпринявшая увлекательное исследование сновидений. Я хотел бы, чтобы она немного рассказала о технике коллективного сновидения аборигенов Австралии, которому она обучалась. Сон здесь носит не индивидуальный характер, но причастен деятельности коллектива, которую этнологи назвали бы мифологической; однако Барбара отвергает такое определение. Она определяет сон как закономерность, как возможность картографировать маршруты этих людей, постоянно странствующих и проходящих сотни километров. Было бы очень хорошо, Барбара, если бы ты попыталась рассказать нам, как действует этот метод сновидения. Мой первый вопрос касается того, чем ты руководишься, отождествляя сновидение, территорию и дорогу.

Б.: Я исхожу из проблемы языка и перевода. В Австралии живёт пятьсот этнических групп, и у каждой есть свои термины для обозначения того, что на английский переводится как dream. По-французски это le rêve. То, что переводят как dream, на деле соответствует целому ряду вещей: это одновременно мифологическое время, сеть маршрутов, покрывающих землю Австралии подобно паутине, а также имена героев, которых на антропологическом языке можно назвать тотемическими и которые, как считается, путешествуют по этим маршрутам. Это указывает и на то, что антропология называет тотемом, т.е. силы, идентифицируемые с героями, которые в своих путешествиях по Австралии могут принимать различные формы (человеческие, животные или растительные) и которые передают свои формы кланам. Это и есть сон.

Ф.: Как ты только что сказала, речь не об архаической традиции рассказа о сновидении, это всё ещё настоящее и даже адаптированное к феноменам аккультурации. Когда ты жила среди них, по утрам люди спрашивали тебя, что тебе приснилось, словно бы ты проделала большую и утомительную работу. Попробуешь немного пояснить это?

Б.: На самом деле аборигены не подчиняются принятой сегодня англоязычной терминологии мифа. Они отвергают классический разрыв — я воспользуюсь англо-саксонским выражением, поскольку, как мне кажется, во французском языке у мифа нет этой коннотации — между реальностью и областью видений. Разумеется, здесь имеются знаки отличия: здесь функционирует целая серия разграничений, но в то же время они не передают

такого разрыва, как у нас, когда мы говорим: реальность/сон. К тому же, всё зависит от того, кто говорит.

Белые прибыли в Австралию двести лет назад. В тех местах, где я работала, контакт произошёл пятьдесят-сорок лет назад, у разных племён-поземному. Эти аборигены были приведены к оседлости насильственно. Мы плохо знаем то, что происходило тогда в Австралии. Не стоит говорить о массовых убийствах, как это было с индейцами, поскольку имело место довольно странное явление — многие сами довели себя до смерти. По общему мнению, они «потерялись». Поскольку традиционно они не были воинственны, столкновения не были жестокими, хотя в некоторых местах всё-таки происходили сражения. В истории всё это отражено весьма прозрачно. Любопытно, что в 60-х гг. говорили о том, что аборигены идут к полному вымиранию, а в 70-х, напротив, их численность стала возрастать. Вопрос в том, как при этом возрастании их культура оставалась живой, несмотря на то что эти кочевники перешли к оседлому образу жизни. Один из возможных ответов заключается в присутствии им видения пространства и сновидения, которые, несмотря на оседлый образ жизни, позволяют им продолжать путешествовать. Будучи обязаны оставаться на определённом месте, своими церемониями, песнями и ночными грёзами они могут вновь проигрывать эти замечательные путешествия.

Ф.: Буквально управляя территориями сна!

Б.: Да, и вновь проигрывая передвижения по этим маршрутам!

Ф.: Надо уточнить: они управляют территориями, которые, по меньшей мере, удвоены. Танец и другие «мифические» территории. Но также реальные территории, в том смысле, что через эти сновидения они реактуализируют то обстоятельство, что на данной территории, на таком-то дереве такой-то предмет, такая-то конфигурация пейзажа тем или иным способом функционируют в сновидении. И точно так же это последовательно происходит с сегментами территории, но у мужчин и женщин разные типы управления территорией.

А.: Я бы обратил внимание на понятие «frayage»¹, которое часто используют по отношению к сновидению. Я знаю два пространства «frayage». Прежде всего, действительно, сновидение. Перед тобой враждебная реальность, ты съёживаешься от страха и не хочешь там оставаться. У этого враждебного пространства, впрочем, есть некоторые преимущества: в нём есть зеркала, средства передвижения, всякие полезные вещи, богатства, и, таким образом, оно выглядит весьма привлекательно. И во сне мы можем войти в это пространство и понемногу средствами сновидения (это занимает многие годы) наладить контакт с этим современным пространством, к которому мы должны приспособиться.

Затем танец. Этой зимой в Бретани, в сочельник, я пережил совершенно безумный опыт в компании ребят от 12 до 18 лет. У них есть зал, в кото-

* Перевод выполнен по изданию: Glowczewski B., Guattari F. Espaces de rêves. Les Warlpiri // Chimères. 1987. № 1.

¹ Физиологический термин, означающий нервный импульс, возникающий после многократного возбуждения.

ром с десяти часов вечера до полуночи для туристов два часа играют регги, панк и т.п., Потом ставят замечательную магнитофонную запись со старинными французскими песнями. Мы, эмигранты, обожаем старые французские песни! В это время все ребята пляшут фарандолу. Тем временем все туристы (кроме меня, который туристом не является) уходят оттуда, поскольку вся ватага делает вид, что всё кончилось. А потом, когда все уверены, что пора расходиться, музыка останавливается, но мы продолжаем вечеринку, и появляются кассеты. Это очень любопытно: музыка французская, стиль Рено. В тот вечер я очень весело отплясывал панк, афро и т.п., но вот последний трюк: они собираются устроить бретонский танец. И вот начинаются совершенно безумные бретонские танцы под музыку панк! Таким образом, через танец и музыку устанавливается связь между двумя пространствами, которые а priori не имеют ничего общего. До этого бретонского танца ребята танцевали вполне традиционно, развлекаая туристов. Но теперь это был современный танец, *gérable* в стиле «Рено» и т.п. Всё это продолжалось, и к трём часам утра превратилось в полное безумие, в котором было что-то от Эйнштейна, дзен и т.п., основываясь при этом на старинной фигуре бретонского танца, которая заключается в том, что ноги как бы посылают другому мяч, и так без остановки несколько часов. Сам принцип бретонского танца состоит в том, чтобы тридцать шесть часов трамбовать земляной пол, прерывая танец лишь затем, чтобы выпить сидра или съесть блин... Таким в ту ночь открылся нам бретонский танец.

По моему мнению, сновидение и танец представляют собой пространства передачи определённых техник. Это пространства, в которых цивилизации, которые мы условно называем «архаичными», могут коммуницировать с нашей цивилизацией. Это пространства «*frayage*».

Б.: В 1979 году, года я находилась среди Вальпири, у меня была возможность поучаствовать в цикле инициации, который происходил параллельно, у мужчин в одном месте, а у женщин — в другом. Когда я приехала, это действие длилось уже месяц и при мне продолжалось ещё четыре месяца. Принцип этого цикла состоит в том, что каждый день в течение двух часов, а иногда и всю ночь, проигрывается путь тотемических предков, которых чувствуют в данный момент. То есть в течение пяти месяцев проходят небольшими отрезками сотни километров, и это магистральный маршрут, но, по мере того как мы движемся, в целой серии мест происходит пересечение с другими маршрутами, и таким образом подключаются другие кланы, связанные со своим дорожным покровителем, и каждый раз проигрывается новая сцена.

Ф.: Вмешиваются ли они в эту последовательность?

Б.: Программа расписана на каждый вечер: такой-то этап пути. Пространство танца не больше комнаты, где мы сидим, и каждый шаг здесь воспроизводит гигантский отрезок пути.

Ф.: Это немного напоминает то, о чём говорил Жан-Клод: работа над сценарием сновидения, так что, в конечном счёте, речь о технике мизансцены.

Б.: Я вижу эту историю несколько иначе. Возможно, дело здесь в двусмысленности того, что они называют тайными и священными местами, и, возможно, это как-то объясняет то, что при жизни двух поколений они не могли вернуться к своим местам, будучи заключены в резервации без права перемещения. В конце концов, даже до контакта с белыми не все принадлежащие им земли были доступны всякому, и всегда были места, доступ в которые был запрещён или ограничен. Эта эмоциональная установка на запрет возобновилась в пространстве оседлости, поскольку эти места, действительно, стали местами сновидения. Регулярность физического контакта очень важна, и это первое, что делали аборигены в различные эпохи. В 1967 г. референдум признал их гражданами и возвратил им возможность перемещаться, как и все остальные.

Х: А каким был их статус прежде?

Б.: У них не было такой возможности. Таким образом, в 1967 г. они снова тронулись в путь, и первое, что они сделали — прикоснулись к земле, камням и деревьям в землях их предков. Таких мест в Австралии тысячи. Нужно видеть эту паутину маршрутов, пересекающихся в многочисленных пунктах. Таким образом, контакт очень важен, поэтому, как уже было сказано, сновидение — это большой труд, так что видевший яркий сон просыпается усталым, словно совершив настоящее путешествие, соприкоснувшись с пространством и временем сновидения.

П.: Все аборигены живут вдали от моря?

Б.: В некоторых областях на севере и на западе они живут на побережье. По этому поводу возникла полемика, весьма запутанная, как это обычно бывает в антропологии. Говорили о том, что юго-восточное побережье было колонизировано именно потому, что там не было аборигенов. Другие говорили о том, что, увидев такое количество пришельцев, они не желали иметь с ними дела и бежали. На деле же имело место массовое истребление.

Происходило много попыток обмена. Это тоже весьма интересно, поскольку имеет место и сегодня. Так сказать, идея символического обмена. Фактически, сегодня они чувствуют, что их культура столь сильна, потому что ассимилирует элементы западной технологии, они видят свою заслугу в том, что дают что-то белым, однако сохраняют в тайне то, что должно оставаться тайным... Два пространства, которые невозможно устранить, и обмен, таким образом, здесь невозможен.

Вернёмся к этой истории с морем: этнологи говорят, что они спасались бегством. Третья группа этнологов не оправдывает оттеснения аборигенов от побережья, но говорит, что для них возник жизненный выбор, заставивший их бежать от воды.

Некоторые недавние этнографические исследования показали, что сообщества охотников-собирателей, живущих в пустыне и не занимающихся сельским хозяйством, работают для пропитания меньше, чем сообщества оседлые. Существует также теория, утверждающая, что море даёт исключительные возможности. Но ты не задумывался — почему?

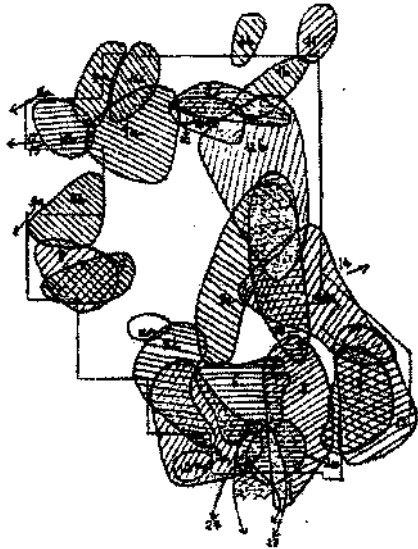
П.: Я бы хотел уточнить: в этих картографиях сновидения или танца есть, так сказать, внешняя граница?

Б.: Думаю, не в этом плане. Есть набор правил: «далеко», «здесь», передвижение, настоящее. Непрестанное протекание времени в пространстве, о чём говорится вполне определённо: например, мы входим в пещеру и втыкаем две палки в пространстве для танца (я говорю о женщинах, поскольку мужчины пользуются другими предметами) и говорим, что эти две палки соединяются с двумя подземными объектами, создавая внутренний круг. Так что я не думаю, что здесь имеет место ощущение плоскости.

П.: Но есть ли граница хоть где-нибудь?

Б.: Границ полно, но они не замкнуты. Здесь постоянно говорится об отделении, начиная с рождения, когда человек отделяется от матери...

Ф.: Есть обстоятельство, которое следует прояснить, поскольку оно представляется мне чрезвычайно важным: здесь нет системы исчисления, которая выходила бы за пределы двойки. Это должно принципиально менять понятие границы между верхним и нижним, различия между временем и пространством. В самом деле, начать с того (это представляется мне теоремой, которую хорошо бы проиллюстрировать), что у тебя нет системы записи нумерации. Если я верно понял, нумерация такова: один, два, несколько. Это совершенно меняет системы координат. Это сильно упростило бы случай Эдипа! (смех)

Карта, составленная Центральным Земельным Советом Австралии как вещественное доказательство территориальных претензий Вальпири

Б.: Вместо этого здесь появляется различие между «мы» двоих и «мы» нескольких людей. И действительно, там, где появляется третий, никак себя не проявляющий, появляется разница между выражением «мы тебя поняли» и «мы и другие». Это очень важно.

По поводу этих историй с границами, я хочу привести в пример территорию, протянувшуюся на 600 км с севера на юг и 200 км с запада на восток, которую населяет 3000 человек. Здесь (см. карту) имеется около двадцати территорий, которые изображаются кругами, но максимально упрощённо, чтобы избежать территориальных претензий. Действительно, каждая окружность, изображённая здесь, не очерчивает замкнутую территорию, но ветвится, подобно паутине, и каждый круг частично присутствует в другом. Таким образом, каж-

дая группа имеет права на территорию и в своём круге, и где-то ещё, но главным остаётся место, обозначенное прерывистыми связями. И герой, например, путешествует в этот момент под землёй.

С.: А что можно сказать о времени сновидения?

Б.: Сон — это настоящее и «он пробыл там очень долго». На мой взгляд, это время, которое одновременно и настоящее, и длится очень долго, время не историческое, но время метаморфозы. Это время динамичное и трансформирующееся. Здесь есть динамика превращения, но, вместе с тем, все эти метаморфозы происходят в настоящем, меняя местоположение в этом настоящем, которое меняет свою форму. Всё это очень динамично, и, по сути, речь идёт лишь о трансформации.

П.: Трудно говорить о времени там, где речь идёт о территории игры, сравнимой с пространством танца.

Б.: Абориген считает, что не территория ему принадлежит, но он принадлежит территории. Таким образом, территория — это не то, что можно захватить, но то, что придаёт смысл человеку.

Здесь всё очень динамично и изменчиво. Не случайно большая часть таких мест соответствует рудным залежам. Человек устанавливает отношения между всеми этими дорогами и земными недрами. Точно так же «путь кенгуру» соответствует местообитаниям кенгуру. «Путь картофеля» пролегал в местах, где растёт дикий картофель. Экология этого пространства определяет положение больших дорог. Все незначительные события передаются от поколения к поколению: охотник, который забрёл далеко и обнаружил ранее невиданное место, возвращается и рассказывает об этом; люди посещают это место и видят его в своих снах, а поколение спустя решают, что такому-то ребёнку благоприятствует сила, приходящая оттуда; и во сне кто-нибудь определяет, что эта сила соответствует конкретному растительному или животному виду. Таким образом к «дороге» присоединяются растения или животные; от поколения к поколению, этот процесс происходит и сегодня: люди видят сны о контактах с белыми, подвергают их коллективной интерпретации и интегрируют в свои «маршруты», которые только так и существуют.

О причине, по которой тот или иной объект привлекает внимание и передаётся от поколения к поколению и фигурирует в памяти и сновидениях потомков, я ничего не знаю.

П.: Скажи, это действительно происходит в снах, а не в рассказах?

Б.: Каждый человек — рассказчик мифов-грёз своего клана. Есть ещё знахари, но у них своя особая сфера. И, наконец...

Ф.: Это посвящённые? А непосвящённые так могут...?

Б.: Вот именно. Начиная с определённого возраста. Однако дети причащаются к этому с младенчества. Ведь каждое утро люди рассказывают то, что они видели. Люди рассказывают друг другу свои сны и словами, и жестами, и вычерчивая знаки на песке. Речь может быть и устной, и...

Ф.: Надо, чтобы ты уточнила очень важный, на мой взгляд, момент. Что существует язык жестов, такой же проработанный, как и настоящий язык.

Б.: Они рассказывают о своих снах и словами, и жестами, и линиями на песке. Это происходит очень быстро. И маленькие дети наблюдают это. По-видимому, они быстрее понимают то, что нарисовано на песке, чем то, что сказано. Таким образом они быстрее изучают этот код. Это всегда похоже на картографию, и рассказы о путешествиях всегда включают одно и то же: иду, останавливаюсь, обосновываюсь...

Ф.: Ты сказала, что у них есть только настоящее время. С лингвистической точки зрения это значит, что у них нет будущего, имперфекта, совершенно-сложного и т.д. Какое воздействие это должно оказывать?

Б.: Да, да. Говорится завтра, говорится вчера...

Ф.: А глаголы? Все в инфинитиве? Как это происходит?

Б.: Формы совершенно отличаются...

А.: Как в бретонском языке. Нет глагола «быть», есть только «становиться».

Х.: У них есть понятие времени?

Б.: В большинстве языков нет. У меня сложилось впечатление, что они обозначают одним словом время/пространство. У пространства нет привилегии, они связаны неразрывно. Однако это не означает статичности.

П.: Такое определение времени возможно только в пространственных координатах.

Б.: Я хотела бы поразмышлять над тем обстоятельством, что время, которое я там провела, заняло целый ритуальный период, однако почти 70 % времени ежедневно посвящалось снам (танцам, пению...). В этом есть (хотя это может быть и более общим явлением) что-то непритворное, поскольку речь почти не заходила о еде. Охота их интересовала меньше всего. Конечно, были и сны о повседневности. Однако, когда я жила в их селении, у меня сложилось впечатление, что даже тогда, когда не происходили церемонии, оставался способ перемещения в эти области (чтобы поесть, надо заснуть), ровные, словно облитые кислотой. Трудно сказать, откуда это пошло. Является ли это результатом перехода к оседлости? Или всегда так и было? Я этого не знаю. Я побывала там в 1979 г. Однако им присущи переходы от безмятежности и апатии к необыкновенной энергичности в церемониях. Это действительно производило впечатление другого пространства и другого времени. В конце концов, всё это, возможно, субъективно...

П.: Работа сновидения состоит в том, чтобы постоянно перемещаться, бесконечно проходя одни и те же дороги.

Ф.: Если я правильно понял, это реактуализация того, что говорила Барбара по поводу пустынь, являющихся причиной того, что некоторые пространства недостижимы; мы наблюдаем это у одних и тех же племён или народностей на одних и тех же территориях. В таком случае, надо

вновь определить, что такое пространство сновидения. И так, как ты только что говорила, природа ребёнка есть территория, с которой он связан.

Б.: Я не уточнила ещё одно: ребёнок здесь не считается продуктом своих родителей. Беременность у женщины наступает не из-за сексуальных сношений, но оттого, что в неё вселяется ребёнок-дух. В этнологии происходила даже целая полемика о том, знают или не знают аборигены, как получают дети! Я поддерживаю большинство, которое утверждает, что они это знают. Но это частная тайна. Об этом мужчины говорят с мужчинами, а женщины — с женщинами. Однако эти сведения не распространяются. Дети об этом не слышат никогда, поскольку об этом говорится только на церемониях, куда детей не пускают. Тем не менее, говорят о том, что отец, муж матери, даёт ребёнку жизненную силу, но только тогда, когда ребёнок уже «задуман». Теперь это больше не практикуется, но ещё пятьдесят лет назад женщина должна была иметь сношения с другими мужчинами, чтобы ребёнок получил ещё больше жизненной силы. Одного отца было недостаточно.

Очень важно, что в словах, сопровождающих церемонии, эти вещи не акцентируются. Их рассмешило то, что белые, живущие в этом районе, говорили, будто они не знают, как получают дети. Им это смешно. Это весьма любопытно, поскольку аборигены, как правило, не испытывают потребности доказывать кому-то даже важные вещи. Я наблюдала в городе сцены, в которых люди, прекрасно чувствовавшие себя в посёлках, выставляли себя дураками, но при этом хихикали в углу; по-видимому, их отношение к белым довольно просто: раз у тебя есть деньги, ты заплатишь за мою выпивку... Это значит: ничего не знаю. Не стоит ничего доказывать белым, за исключением своих территориальных претензий, и в 70-х им действительно удалось доказать, что они имеют право на землю своих предков.

Когда мы размышляем о священном, о религии, мы рисуем себе традиционную лубочную картинку — что-то очень серьёзное, молчаливое и тёмное. В сакральной практике присутствуют сильные чувства, волнение на грани патетики, трагедии. Зачастую люди плачут от волнения, вступая в контакт с предком, однако рядом с ними детишки кричат, собаки лают, люди едят, говорят непристойности, и всё это смешивается воедино. Всё это игра, но игра имеет свой конец, как фильм...

Ф.: То есть существует такая очевидность, такое погружение в сакральное, которое не нуждается в том, чтобы надевать на себя ризу и окутываться темнотой. В Африке я присутствовал при жертвоприношении, и это выглядело именно так...